
Т. А. САРАНЧИНА

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

Кризис психологии начала XX в. привел к возникновению новых направлений, которые предлагали свой выход из этой ситуации и находили новый предмет психологической науки, абсолютизируя различные стороны психики, проявляемые в разных системах отношений. Но острота методологического кризиса не уменьшалась. В начале 30-х гг. споры разгорелись с новой силой. О кризисе шла речь на XII конгрессе немецких психологов в 1931 г., на IX Международном психологическом конгрессе в 1932 г. Психология сознания столкнулась с психологией поведения. Предметом теоретических дискуссий стала проблема сознания в ее соотношении с деятельностью.

Речь шла об изменении предмета психологии в соответствии со сменой объекта в ходе ее исторического развития, что, в свою очередь, повлекло изменение методов, принципов, понятийного аппарата психологии. Вычленение ее из сферы философии началось с того, что прояснился ее предмет – сознание, а основной целью стало исследование «бытия и сознания», то есть природы психического и его места во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Психология предстала как наука о внутренней, создаваемой жизни человека, и ведущим методом была признана интроспекция, невозможность объективной экспериментальной проверки которой очень скоро обнаружилась.

Поиск объективных оснований в соответствии с идеалами естествознания привел к смене объекта (предмета) психологии – от сознания к поведению человека и животных. Соответственно субъективный метод интроспекции и понятийный аппарат были полностью заменены. Поведение человека описывалось объективно, в логике причинно-следственных отношений, в терминах «стимул – реакция». Наряду с бихевиоризмом поиск объективных осно-

ваний психологии осуществлялся и в гештальтпсихологии, где в качестве устойчивых элементов рассматривался гештальт – образ, форма, – в целом структура сознания.

Период 20-х гг. был начальным периодом становления советской психологии и связывался с решением двух задач – во-первых, с применением марксизма к психологии, а во-вторых, со стремлением практически применить психологию во всех областях жизни.

Принципиальное отличие соотношения философии и психологии в домарксистский период от соотношения философии марксизма и советской психологии заключается в том, что с самого начала возникновения психологии в русле философского знания это соотношение складывается стихийно. Даже когда влияние философского идеалистического мировоззрения на психологию оказывается весьма значительным, определенные тенденции развития психологии приводят к тому, что идеализму не удается охватить своим влиянием всю психологическую науку. Философский идеалистический метод проникает в способ психологического мышления, в выбор методов, в способ интерпретации эмпирических данных и т. д. (идеалистические взгляды в советской психологии послереволюционного периода отстаивались прежде всего Г. И. Челпановым). Остальная же часть психологии остается эмпирической. Домарксистская философия представляла своего рода способ «видения» предмета науки без обоснования причин того или иного «видения».

Философия марксизма по отношению к психологии становится методологией в подлинном смысле слова – не как способ стихийного понимания своего предмета, а как способ его философско-обоснованного объяснения. Построение такой методологии советской психологии на основе марксизма и было той задачей, которую поставил и последовательно, шаг за шагом, решал С. Л. Рубинштейн.

Философско-психологический анализ, которому были подвергнуты С. Л. Рубинштейном и психология сознания, и поведенческие теории, раскрыл их общие методологические установки в подходе к природе психики. Анализ психологии сознания был совершен не только в отношении к поведению, но и к так называемой психологии духа. Объективно существующая взаимосвязь индивидуального и общественного сознания никак не могла быть совместима с интроспективной психологией, которая, замыкая сознание во внутреннем мире, вырывала его из связей с идеологией, в которых сознание выступало в своей социальной характеристике. Подобно

поведенчеству, психология духа полагала интроспективную концепцию сознания неизменной, а отброшенные интроспекционизмом связи сознания с идеологией, представляющие одну из областей проявления сознания, противопоставила интроспективной концепции как истинный предмет психологии. «Психология, – писал

С. Л. Рубинштейн, – в результате оказалась перед тремя абстрактными конструкциями, своеобразными продуктами распада, получившимися в результате расчленения реального сознания и реальной деятельности живого человека как конкретной исторической личности. Перед психологией встала тогда задача подняться над этими ограниченными концепциями, на которые распалась психология»¹.

Для позиции С. Л. Рубинштейна было неприемлемо предлагавшееся некоторыми зарубежными психологами в качестве выхода из кризиса эклектическое воссоединение разных направлений, пренебрегающее различием их методологических предпосылок. Опыт реактологии, пытавшейся пойти по этому пути, убедительно показал его порочность. «Этот путь заранее обречен был на неудачу, – считал С. Л. Рубинштейн, – он приводит лишь к объединению субъективной идеалистической концепции сознания с механистической концепцией человеческой деятельности. В результате такого объединения не может получиться ничего, помимо суммирования ошибок, допущенных синтезируемыми направлениями, – соединения несостоятельной концепции сознания с ложной концепцией деятельности человека и неправильным пониманием отношения психологии и идеологии... Нужно не соединять концепцию сознания интроспективной психологии с поведенческой концепцией деятельности человека и т. д., а преодолеть эти концепции, преобразовав понимание как сознания, так и человеческой деятельности, установившееся в психологических концепциях, определивших кризис современной психологии»².

Движение теоретической мысли в поиске исходного принципа построения новой психологической теории идет в двух направлениях, и оба обращаются к трудовой деятельности человека как главной особенности его бытия. В одном направлении, выраженном культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, трудовая

---

¹ Рубинштейн, С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. – 1934. – № 1. – С. 6.

² Там же.

деятельность человека определяет исходную точку поиска, но выделение знака как аналога орудия труда переводит дальнейшие построения в сферу культурного развития. В другом направлении центральной становится марксовская концепция человеческой деятельности, раскрытая в ее применении к психологии. В анализе марксовского понимания деятельности применительно к психологии выделяются три основные мысли: о роли практической и теоретической деятельности человека в формировании его психики; о том, что порождаемый человеческой деятельностью предметный мир обуславливает все развитие человеческой психологии; и о том, что человеческая психика – продукт истории. За исходное при этом берется связь сознания с реальной деятельностью человека, положение марксизма о том, что сознание человека формируется в процессе труда, преобразующего мир. Теоретическая разработка положения о связи сознания с деятельностью, вошедшего в психологическую науку как принцип единства сознания и деятельности, была осуществлена С. Л. Рубинштейном³.

Опознав в психологическом кризисе черты кризиса методологии науки, Рубинштейн не ограничил свою задачу проецированием на психологию своего готового решения, поскольку он, как ученый, был чужд всякого априоризма. Его онтологизм был не только философским подходом, но и принципом его мировоззрения как ученого. Для него возникают две новые взаимосвязанные задачи – философская и собственно методологическая – по отношению к психологии. Первая состоит в потребности и необходимости углубить понимание объективности в подходе к субъекту и соответственно всему гуманитарному знанию. Вторая – в необходимости раскрыть то новое качественное содержание и сознания, и деятельности в психологии, которое позволило бы в каждом из этих отношений найти основание связи с другим. Для решения этих взаимосвязанных задач он обращается к концепции К. Маркса.

Итак, Рубинштейн выдвинул и систематически развивал в психологии методологический принцип, который он сам в 20-е гг. называл принципом самодеятельности⁴, а в 30-е и 40-е – принципом единства сознания и деятельности. Согласно этому принципу, человек и его психика, сознание формируются, развиваются и про-

³ См.: Рубинштейн, С. Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.

⁴ Он же. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 101–108.

являются в деятельности, то есть деятельность играет определяющую роль в формировании сознания человека.

Принцип единства сознания и деятельности конкретизировался Рубинштейном и через раскрытие формирующейся в онтогенезе связи между уровнями сознания и деятельности. Здесь единство сознания и деятельности выступило в том, что различным уровням и типам сознания соответствуют свои определенные виды деятельности и поведения: реакции – досознательные формы психического отражения, действию – предметное сознание, поступку – самосознание⁵. Рубинштейн подчеркивал неразрывность связи сознания и деятельности, их единство, указывая на то, что генезис поступка и самосознания представляет собой процесс.

В 1934 г. выходит статья Рубинштейна «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса»⁶, в которой содержится программа построения советской психологии на основе марксизма. Исходным пунктом этой программы является концепция деятельности, прежде всего, в ее объективно-общественном содержании. Первую философскую задачу поиска объективного основания гуманитарного знания Рубинштейн решает посредством освоения марксистской концепции социальной детерминации как системы общественных отношений людей. Для решения второй задачи исходным пунктом становится марксистская концепция деятельности как труда, связанная с общественными характеристиками ее субъекта. «Человек, его сознание и психика, – пишет С. Л. Рубинштейн, – не замыкаются в непосредственной данности субъекту, а выражаются в деятельности, реализуются в ней»⁷. Одновременно в деятельности раскрывается другая фундаментальная зависимость, идущая от объекта к субъекту: «...В объективировании, в процессе перехода в объект формируется сам субъект»⁸. Диалектика объективирования и субъективирования предполагает не саморазвертывание сущности субъекта, а соотнесение его с другими людьми, продуктами деятельности и отношениями, которые его детерминируют. Только благодаря такому пониманию самой деятельности – не как замкнутой в себе сущности, не как проявления субъекта – формулируется

---

⁵ Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 1. – С. 488; т. 2. – С. 328.

⁶ См.: Он же. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса.

⁷ Он же. Проблемы общей психологии. – М., 1973. – С. 24.

⁸ Там же.

тезис об объективной опосредствованности сознания. И, как следствие этого, снимается присущая всем вариантам интроспекционизма замкнутость сознания в себе. «Когда Маркс определяет специфику человеческого сознания как мое отношение к моей среде, которое дано мне как отношение, то есть имеет опосредствованный характер, он определяет самое сознание, исходя из тех реальных отношений человека к его среде, которые связаны с генезисом и развитием человеческого сознания»⁹.

Опираясь на основные положения Маркса, Рубинштейн выделяет два опосредствования в связи сознания и деятельности. «У Маркса со всей возможной отчетливостью сформулировано положение об объективной опосредствованности сознания»¹⁰. В плане преемственности с ранней философской концепцией Рубинштейна чрезвычайно важен этот тезис о сознании как идеальном плане действия, благодаря которому не возникнет потребности свести действие к идеальной формуле сознания, как это постараются сделать впоследствии философы и психологи, а, напротив, формулируется гипотеза об отрыве действия от связи с непосредственной ситуацией.

Другая опосредующая диалектическая связь – историзм. Человеческое сознание, будучи исторической предпосылкой труда, является и его результатом. Сознание (психология людей), согласно К. Марксу, является зависимым от практики и регулирует их практическую деятельность. Исходя из понимания этой историчности Марксом, перспективно раскрытие разных темпов исторического развития индивидуального сознания, разной вовлеченности разных участков сознания в историческое развитие и разных уровней развития разных участков сознания. Проблема не в том, чтобы указать на историчность сознания, а в том, как ее понять, подчеркивает Рубинштейн¹¹.

Следует отметить, что первоначально идея связи сознания и деятельности была выражена Рубинштейном как единство этих двух членов. «Деятельность и сознание не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое – не тождество, но единство»¹². «Одно и то же отношение к объекту обуславливает

---

⁹ Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии. – С. 30.

¹⁰ Он же. Принципы и пути развития психологии. – С. 27.

¹¹ Он же. Проблемы общей психологии. – С. 35.

¹² Он же. Основы психологии. – М., 1935. – С. 51.

и сознание, и поведение, одно – в идеальном, другое – в материальном плане»¹³. В то же время соотношение психики и деятельности было определено как взаимосвязь и взаимообусловленность. «В силу... взаимосвязи и взаимообусловленности психические свойства личности и ее поведение, сознание и деятельность человека включаются как звенья, как стороны в единый процесс, в котором причина и следствие непрерывно меняются местами. Таков для нас подлинный смысл положения о единстве сознания и деятельности»¹⁴.

Дальнейшие теоретические исследования связи сознания и деятельности в 50-х гг. были соотнесены с более общей проблемой детерминированности деятельности субъекта, в которой сознание играет регулирующую роль. Характеристика связи сознания и деятельности получила новое содержание. Тогда же С. Л. Рубинштейн дал критический анализ прежнего понимания характера этой связи, отметив, что формула единства сознания и деятельности предполагает «отношение сознания и деятельности как внешнее соотношение двух обособленных членов... В этом сказывалась обусловленность внешней ситуацией, которая в ходе исторического развития науки их обособила, а не существо дела, которое при правильных исходных позициях не должно было приводить к их обособлению сперва и, значит, к необходимости затем внешне их соотносить»¹⁵.

В это же время С. Л. Рубинштейн выделил те положения в понимании соотношения сознания и деятельности, которые стали прочным достоянием марксистской психологии и по сегодняшний день сохраняют свою силу. Утверждение единства сознания и деятельности означало, что необходимо понять сознание, психику не как нечто лишь пассивное, созерцательное, рецептивное, а как деятельность субъекта, и в самой человеческой деятельности раскрыть ее психологическую компоненту. Предметом психологического исследования стала не только внутренняя, духовная, умственная деятельность, а и сама практическая деятельность, посредством которой люди преобразуют природу и переделывают общество, в ее психологическом аспекте. «Основное позитивное содержание положения о единстве сознания и деятельности заключается в

---

¹³ Он же. Основы общей психологии. – М., 1946. – С. 85.

¹⁴ Рубинштейн, С. Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Ученые записки МГУ. – 1945. – Вып. 90. – С. 12.

¹⁵ Он же. Принципы и пути развития психологии. – С. 251.

утверждении их взаимосвязи и взаимообусловленности: деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения»¹⁶.

Таким образом, центральной проблематикой исследований Рубинштейна выступают сразу несколько аспектов связи сознания и деятельности: гносеологический, социально-исторический (сознание, деятельность и общественные отношения), культурно-исторический. Таково было основное методологическое содержание принципа единства сознания и деятельности, разработанного Рубинштейном. Позднее, оценивая историческое значение этого принципа, сам автор так писал о нем: «Утверждение единства сознания и деятельности означало, что надо понять сознание, психику не как нечто лишь пассивное, созерцательное, рецептивное, а как процесс, деятельность субъекта, реального индивида, и в самой человеческой деятельности, в поведении человека раскрыть его психологический состав и сделать таким образом самую деятельность человека предметом психологического исследования»¹⁷.

Для психологии соответственно при переходе к анализу сознания, психики в ее отношении к миру прежде всего необходимо было определить, кто же является их субъектом. Постановка проблемы связи сознания и деятельности требовала ответа на вопрос, как и где образуется подобная связь. Рубинштейн дает ответ, который глобален и прост, – личность. «В неразрывной связи со всей системой психологических идей Маркса, в качестве одного из центральных ее звеньев, выступает марксовская трактовка проблемы личности»¹⁸.

Данная связь образуется личностью и на уровне личности как двойная разгадка существующей парадигмы: психика, сознание не самодостаточны, не существуют в себе, а принадлежат человеку, более конкретно – личности. Так, одно измерение человека как субъекта приводит Рубинштейна к другому – личности.

Личность в рубинштейновском, то есть идущем от категории субъекта, понимании оказывается многогранным, но в то же время конкретным понятием, которое одновременно становится новым основанием всего психологического знания. Личность становится

---

¹⁶ Рубинштейн, С. Л. Принципы и пути развития психологии. – С. 251.

¹⁷ Там же. – С. 250.

¹⁸ Он же. Проблемы общей психологии. – С. 37.

важнейшей основой связи в цепи «сознание – деятельность», чем уничтожается принцип безличности, бессубъектности такой связи. В «*Основах психологии*» (1935) и «*Основах общей психологии*» (1940) Рубинштейн строит систему связей психики, сознания и деятельности, опосредованную личностью как субъектом этой связи.

Условия жизни человека, жизненные обстоятельства традиционно мыслились как некие «данности», нечто постоянное, изначально присущее, как определенный способ жизни людей. Концепция субъекта привнесла прежде всего идею активного, строящего условия жизни и свои отношения к бытию человека. Сама идея жизни, определения ее условий как решаемых задач, требующих от человека этих решений, – такова была новая предложенная парадигма. Действительность в ее «первозданном» виде, которую человек «застает» при своей жизни, оказывается не задана ему изначально как некая директива. Действительность обращена к человеку своими требованиями, ограничениями; от него же исходит желание или нежелание, но желаемое он получает только в одном случае: если оно является результатом его усилий – личностных, интеллектуальных, волевых, результатом его деятельности.

Таким образом, деятельность придает не только единство внутренней структуре личности, но и вместе с тем целостность, системность связям личности с миром. Личность как система – это и предпосылка, и результат ее деятельности. Личность в процессе деятельности не только проявляется, но и формируется.

Разработав исходный методологический принцип советской психологии, С. Л. Рубинштейн начинает на его основе построение системы психологической науки. Первой частью решения этой задачи стала книга «*Основы психологии*», вышедшая в 1935 г. – всего через год после программной статьи о значении трудов К. Маркса для психологии. В этой книге Рубинштейн впервые проанализировал различные психологические данные, направления, проблемы как взаимосвязанные на основе принципа единства сознания и деятельности. В то время как мировая психологическая наука представляла собой разнородную массу не связанных между собой теорий, подходов, которые не соотносились друг с другом и недостаточно учитывали друг друга в своем развитии, Рубинштейн ставит задачу дать взаимосвязанное изложение мировой психологии, определив принципиально новую роль в ней советской психологии. Однако возможности решения этой задачи были ограничены тем,

что теории, возникшие в другой логике, в другой методологии подавались скорее систематическому изложению, чем внутренней систематизации.

Одновременно С. Л. Рубинштейн приступает к решению еще одной, важнейшей задачи – созданию новой эмпирической базы советской психологии, которая была бы подчинена новому методологическому принципу. С этого момента многими советскими психологами и под непосредственным руководством самого Рубинштейна начинают проводиться эмпирические исследования на основе принципа единства сознания и деятельности. Началась разработка проблемы ведущего для развития вида деятельности, которая опиралась на классификацию видов деятельности по психологическому основанию (игра, учение, труд). Эти проблемы обсуждались С. Л. Рубинштейном, Л. С. Выготским, позднее Б. Г. Ананьевым и А. Н. Леонтьевым в дискуссиях о соотношении обучения и развития ребенка, а также на основе выявления специфики видов деятельности, например игры.

Большую часть этих оригинальных исследований Рубинштейн сам же и обобщает и синтезирует в своем труде «Основы психологии», а затем в труде «Основы общей психологии». В отзыве Б. Г. Ананьева, А. Р. Лурии и других на книгу «Основы общей психологии» по поводу ее представления на Государственную премию говорится, что в ней впервые представлена система советской психологии как науки, как нового этапа ее развития.

Принцип единства сознания и деятельности стал методологической основой советской психологии. Но принцип единства сознания и деятельности привел и к новой теории сознания, его строения (единство отражения и отношения, переживания; единство строения и функции, изменение строения в процессе активной деятельности; единство познания, отражения и общения). Эта теория сознания имела системный характер, потому что включала множество разных аспектов его анализа: исторический, антропогенетический, психофизиологический, онтогенетический (развитие сознания ребенка) и личностный (проблема самосознания личности).

В определении методов психологии связь сознания и деятельности выступает как общий объективный метод исследования психики: только благодаря тому, что сознание открыто в деятельность, а не замкнуто в самом себе, как утверждал интроспекционизм, оно

подлежит объективному исследованию; оно проявляется в деятельности, изменяется благодаря деятельности. Одной стороной объективного метода является проявленность сознания, психики в деятельности, другой – его формируемость через деятельность. Последнее составляет собственно основу экспериментального исследования: направленно формируя и изменяя сознание разными способами организации деятельности, можно его познавать.

Центральным для психологии становилось признание того, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему предметному миру и может быть определено лишь на основе этих отношений. Так преодолевается субстанциализм психического, утверждавшийся интроспективной психологией. Таким путем раскрывалась зависимость психических процессов человека от тех конкретных материальных условий, в которых практически протекает его жизнь и деятельность.

Утверждение идеи единства сознания и деятельности преодолеvalo и механицизм поведенчества. В противопоставлении всей поведенческой психологии ее представлению об объективном методе изучения поведения, исключающем психику, для марксистской психологической теории следует вывод о том, что психика может быть познана опосредствованно, через деятельность человека, потому что она в своем бытии объективно опосредствована ими. Через связь сознания с деятельностью раскрывалась его связь с внешним миром. Тем самым открывался новый подход к решению проблемы социальной обусловленности психики человека, главной проблемы марксистской психологии.

Отличительной чертой творческой деятельности Рубинштейна является соподчинение ее работе, связанной с построением новых методологических основ системы психологии, обоснованной философски и взаимодействующей с различными отраслями науки и практики, в частности с практикой обучения и воспитания людей. Решение С. Л. Рубинштейном проблем и задач психологии было осуществлено по преимуществу через их рассмотрение в философском контексте.

Если считать философию марксизма источником и проводником идей диалектики в советскую психологию, то можно говорить о влиянии марксизма на представления Рубинштейна о диалектическом характере взаимосвязи деятельности и сознания. Данная

диалектика раскрывалась им, в частности, в положении о сознании как результате деятельности и вместе с тем ее предпосылке. Говоря о единстве сознания и деятельности, Рубинштейн неоднократно подчеркивал их нетождественность. Иногда данную нетождественность он доказывал, опираясь на факты несовпадения внешних проявлений человека и его внутренней жизни (подобное доказательство является, по-видимому, не вполне правомерным). Частным случаем подобного доказательства через апелляцию к очевидному является ссылка Рубинштейна на факты несовпадения данных самонаблюдения человека и его поведения. Кроме того, у Рубинштейна нетождественность сознания и деятельности раскрывалась через выявление специфики функций каждого из них: порождающей и формообразующей функции деятельности, управляющей и регулирующей – сознания.

В работе «Человек и мир» содержатся некоторые идеи о противоречии в единстве сознания и деятельности (так, оно может быть обнаружено в относительной самостоятельности линий их возможного развития). Однако, на наш взгляд, сама возможность постановки вопроса о противоречиях была обусловлена выходом Рубинштейна за пределы марксистских позиций, с которыми тесно связана его первая научная парадигма (в частности, отходом от самого принципа единства сознания и деятельности).

Проблема «борьбы» в данном «единстве» сознания и деятельности не могла быть поставлена в рамках первой парадигмы Рубинштейна, ибо она потребовала бы признания в явной форме того, что сознание и деятельность являются разными сущностями (в то время как Рубинштейном подразумевалось прежде всего различие их явлений). Подобное признание предполагает принципиально иное, нежели в рамках деятельностного подхода, решение проблемы детерминации. Так, этот подход рассматривает деятельность как основной детерминирующий фактор сознания, в то время как проблема «борьбы» сознания и деятельности, во-первых, предполагает наличие собственных детерминант сознания, во-вторых, подразумевает равный онтологический статус сознания и деятельности.

Анализируя значение принципа единства сознания и деятельности для изучения сознания, следует отметить, что именно благодаря ему Рубинштейн пришел к рассмотрению психического как процесса, ибо данный принцип предполагал исследование психи-

ческого в самом ходе его формирования в деятельности. Это повлияло на особенности разработки Рубинштейном проблемы сознания – изучение сознания в его динамическом, процессуальном аспекте.

У Леонтьева нетождественность сознания и деятельности являлась постулатом, у Рубинштейна это иногда выступало как проблема, которую он решал через апелляцию к очевидному. Кроме того, данная нетождественность раскрывалась ими посредством выявления специфики функций каждого из элементов. Так, при раскрытии второй стороны принципа единства сознания и деятельности – влияния сознания на деятельность – Леонтьевым (в его понятии «сознание – образ») и Рубинштейном выделялась регулятивная функция сознания.

Некоторые идеи о противоречиях в единстве сознания и деятельности развивались Рубинштейном в контексте его второй, «немарксистской» парадигмы. Однако в рамках марксистски ориентированной психологии проблема противоречий в единстве сознания и деятельности не могла быть, на наш взгляд, поставлена (что мы видим на примере концепций Рубинштейна и Леонтьева), так как это требует признания в явной форме того, что сознание и деятельность являются разными сущностями (Рубинштейн указывал лишь на различие их явлений). Это, во-первых, предполагает наличие собственных детерминант сознания (в то время как основное методологическое требование деятельностного подхода состояло в поиске их за пределами сознания), во-вторых, подразумевает равный онтологический статус сознания и деятельности (что не соответствует основным марксистским принципам и положениям). Невозможность признания определенной самостоятельности сознания, наличия у него собственных детерминант усиливалась у Рубинштейна его тенденцией к пониманию объектов как чисто внешних, материальных, к сближению их с вещами внешнего мира (в то время как идеальные, творимые субъектом объекты также способны определять жизнь сознания).

Преимущественный упор на единство сознания и деятельности и исключение из сферы рассмотрения моментов их борьбы, с одной стороны, позволяя выделить для сознания новую детерминационную область, с другой – уводил от поиска собственных детерминант сознания и его закономерностей.

Понятие предметности имеет большое значение для раскрытия содержания принципа единства сознания и деятельности, являясь, на наш взгляд, одним из выражений данного принципа. Области значений этого термина у Леонтьева и Рубинштейна в определенной степени пересекаются, что обусловлено общностью идейных корней – влиянием марксистских идей и категорий. Так, для обоих авторов было характерно использование такого смысла понятия предметности, как отнесенность к внешнему миру, вынесенность вовне, – здесь они опирались на марксистскую трактовку этого понятия, в которой подчеркивалось, что какое-либо явление, действие, состояние и т. д. связано с предметом или само становится им через вовлечение в деятельность человека.

Принцип единства сознания и деятельности широко использовался Рубинштейном и Леонтьевым при исследовании сознания, позволив выделить ряд существеннейших закономерностей социо- и онтогенеза сознания, однако им накладывались определенные ограничения на изучение данной проблемы. Так, односторонняя интерпретация принципа единства сознания и деятельности, в которой подчеркивалась ведущая, определяющая роль деятельности, достаточно однозначно предполагает генетический анализ сознания, постановку и решение определенного круга проблем сознания – вопросов о его природе и происхождении. Односторонняя интерпретация принципа единства сознания и деятельности, подчеркивающая ведущую роль последней, оставляет за пределами психологического исследования функциональный анализ сознания.

Итак, раскрывая роль принципа единства сознания и деятельности в построении системы советской психологии, можно заключить, что он явился принципом, на котором начала строиться система психологического знания. Принцип единства сознания и деятельности явился такой методологией, которая определила возможность объективного метода исследования психического через его проявления в деятельности. Разработка этого принципа положила начало конкретным теоретико-экспериментальным исследованиям в области памяти, речи, мышления и т. д. В плане развития психологической науки принцип единства сознания и деятельности установил систему взаимосвязи, взаимообусловленности, иерархии психических явлений.